

Услышав это, сердце Лин И резко заколотилось, а глаза слегка дрогнули:

— И что ты ответил?

Ли Синчуань пристально смотрел на него, не упуская ни малейшей детали в его выражении. Увидев, как тот отводит взгляд, он с усмешкой взял ручку и подписал контракт на последней странице.

— Я сказал ей правду.

— Что именно?

— Что я уже давно забыл о тебе.

Лин И почувствовал, будто получил удар по голове, лоб онемел. Контракт оказался перед ним:

— У тебя два выбора: уйти сейчас, объясниться с ней на лестнице, или остаться и уйти после того, как она уйдет.

— ...Как объясниться?

С предубеждениями Ли Вэй к нему, она вряд ли станет слушать его объяснения.

— Если не хочешь объясняться, оставайся. — Ли Синчуань оставался бесстрастным.

Лин И слегка расширил глаза, не веря своим ушам:

— Ты предлагаешь мне спрятаться? Но если она обнаружит нас, то...

— Чего ты так боишься? — голос Ли Синчуаня стал жестче.

— Я... — Лин И на мгновение запнулся, с трудом выговаривая слова. — Ты же знаешь, что она не любит, когда я к тебе прихожу.

Ли Синчуань встал, смотря на него сверху вниз:

— Мне тоже не нравится, когда ты приходишь. Зачем ты тогда это делаешь?

— Я пришел по работе, к тому же я не знал...

Не знал, что ты вообще не хочешь меня видеть.

— Теперь знаешь?

Ли Синчуань швырнул контракт в него, Лин И поспешно поймал его, но один лист все же упал. Наклонившись, чтобы поднять, он обнаружил, что бумагу прижал черный тапок, а над ним раздался ледяной голос:

— Я спрашиваю, понял ли ты теперь.

— Понял, ты все ясно объяснил. — Лин И изо всех сил старался сдержать дрожь в голосе. — Я побуду в твоей спальне, подожду, пока она уйдет, и сразу уйду. Закончу этот проект и больше не буду тебя беспокоить.

Сказав это, он поднял контракт и бросился в спальню. Едва он закрыл дверь, снаружи раздался

громкий звук разбивающихся стаканов.

Бах!

Бах!

Два стеклянных стакана разлетелись на осколки.

Лин И закрыл глаза, прислонился к двери и сделал несколько глубоких вдохов, затем опустился на пол, уткнувшись лицом в колени, и долго не поднимал голову.

Где же... где он допустил ошибку, что Ли Синчуань вынес ему приговор?

Он не мог понять, но еще больше сожалел о своих последних словах: больше не буду тебя беспокоить. Это звучало так легко, но пять лет — это тысяча восемьсот дней. Человек, которого он ждал так долго, просто исчезнет из его жизни?

Вскоре снаружи послышался звук открывающейся двери, а затем и разговоры, тихие и не совсем ясные.

— Почему стаканы...

— Ты ужинал?

— ...Только что...

— Завтра ты... Сяо Шу...

Он провел рукой по лицу, встал и сел за стол, достал свой ноутбук и начал работать в тишине и темноте. Эскизы для этого проекта еще не были готовы, а теперь, когда Цзян Хао отказался от участия, завершать проект придется ему. Лучше поскорее закончить и показать Синчуаню сегодня вечером. О будущем подумаем позже.

В это время разговор снаружи был негромким.

Когда не злилась, Ли Вэй была образцом интеллигентности, вежливой и сдержанной. Ли Синчуань тоже был таким, вежливым и отстраненным со всеми, редко вступал в конфликты и всегда говорил учтиво.

Вся семья — лицемеры.

Возможно, она помогала сыну убирать квартиру, а может, готовила ему ужин, но Ли Вэй задержалась надолго. Лин И некоторое время работал над чертежами, затем решил размять ноги, но едва сделал несколько шагов, как дверь спальни неожиданно открылась, и он поспешно отпрянул в сторону.

Скрип —

Маленькая фигурка вбежала в комнату.

— Ой?

Свет на столе привлек внимание ребенка. Он подбежал к столу, но едва издал звук, как Лин И, притаившийся рядом, прикрыл ему рот рукой и поднял на руки.

— М-м-м!

— Сяо Шу, это я, не шуми. — Лин И мягко успокоил его.

— Э-э...? — Глаза Сяо Шу, с тонкими веками, расширились, как медные колокольчики, и он беспокойно зашевелился в его руках, горячее дыхание касалось ладони Лин И.

Лин И посадил его на колени, наклонился и поцеловал его надутые щеки:

— Это дядя, помнишь? Дядя, которому ты давал печенье. Мы с твоим папой играем в прятки, кто кого первым найдет.

— Дядя с печеньем. — Сяо Шу моргнул, раздвинул пальцы Лин И и прошептал. — Прятки?

— Да. — Лин И снова поцеловал его. — Хочешь поиграть?

Сяо Шу энергично кивнул.

— Тогда ты не должен говорить, и после выхода не должен никому рассказывать, где я. Сможешь?

— Смогу, смогу! Но... — Сяо Шу был в восторге, сидя на его коленях, он качал ногами и обнял Лин И за шею. — Дядя с печеньем, я так волнуюсь.

— Почему?

— Папа очень хорошо играет, он быстро нас найдет.

Лин И, удивленный, невольно рассмеялся:

— В какие игры ты обычно играешь с папой?

— М-м... — Сяо Шу играл с короткими волосами на затылке Лин И. — Очень много.

— Например?

— Например, кто быстрее уснет, или... кто дольше не будет говорить, или кто целый день не будет есть сладкое, много всего!

Сказав это, он надул губы:

— Папа всегда выигрывает.

Лин И прижал лоб к маленькому плечу Сяо Шу и горько усмехнулся:

— Твой папа настоящий подлец.

— Что это значит?

— Я хочу сказать, что твой папа плохой.

— А? — Мягкие волосы щекотали его щеку. — Папа не плохой, папа хороший.

— Ты так думаешь?

Скрытый смысл этих слов был слишком сложен для четырехлетнего ребенка. Он засунул указательный палец в рот и пробормотал несколько невнятных слов:

— Папа обнимает меня, когда я сплю.

У Синчуаня широкие плечи, и он любит обнимать кого-то в постели, летом его грудь становится почти горячей. Лин И на мгновение замолчал, затем тихо сказал:

— Он тоже обнимал меня, когда я спал.

Сяо Шу не услышал:

— Папа еще рассказывает мне сказки.

— Какие сказки?

— М-м... про банду в соломенных шляпах, там был резиновый человек, длинный нос и маленький олененок.

Лин И рассмеялся. Синчуань рассказывал Сяо Шу «Ван Пис» как сказку, назвав ее историей о банде.

Ребенок, который хотел взять планшет и посмотреть мультики, теперь оказался в объятиях дяди с печеньем, и в полумраке комнаты Сяо Шу начал засыпать.

— Дядя, я хочу спать.

Лин И держал его, как полумесяц, полулежащего на коленях, мягко похлопывая по спине, но не давая ему заснуть, боясь, что взрослые снаружи не найдут его.

Лин И тихо заговорил с ним:

— Сяо Шу, ты засыпаешь?

— Нет... — Сяо Шу был уже почти во сне. — Дядя, расскажи мне сказку.

Сказку?

— Дядя не умеет рассказывать сказки.

— Ну, пожалуйста, дядя, расскажи мне про банду.

Лин И, не зная, как отказать, через некоторое время мягко сказал:

— Хорошо, я расскажу тебе, как резиновый человек и олененок познакомились.

— Они сначала не знали друг друга?

— Конечно, сначала они...

Резиновый человек и олененок, они были из разных миров, но случай свел их вместе.

Время в воспоминаниях Лин И вернулось на шесть лет назад, в Центральную больницу Линьцзяна, где 22-летний парень стоял под дождем.

Он помнил, что в тот день лил сильный дождь, но у него не было зонта, только капюшон свитера, прикрывавший от холода, а его лицо, бледное от холода, было мокрым от дождя. Перед тем как войти в больницу, он остановился и посмотрел на красные буквы на крыше: «Спасать жизни и лечить». В его глазах была глубокая ирония.

Спасать жизни...

Он спасал жизни, но кто спасет его?

Он поднялся на третий этаж, где зеленые стены и белые потолки. Кто-то ждал его, и, услышав шаги, обернулся.

Он подошел, настороженно оглядевшись.

Женщина лет сорока, ухоженная, спокойно встала с пластикового стула:

— Наконец-то ты решился?

Ночь еще не наступила, но жестокие слова уже, как темная ночь, давят на грудь, не давая дышать. Они стояли в гостиной, как в противостоянии, не обращая внимания на то, что в любой момент могла войти Ли Вэй.

<http://bllate.org/book/16753/1540428>